

Эва Нова

Как часовой механизм

Эва Нова

Как часовой механизм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68868165

SelfPub; 2023

Аннотация

Мэриголд работает телефонисткой. Только получается это у нее из рук вон плохо. Управляющий коммутаторной мистер Калвер уверен, что замени он Мэриголд и всех остальных автоматами, работа станет выполняться гораздо быстрее и эффективнее.

Эва Нова

Как часовой механизм

Пронзительная трель горнов с железодельного завода ворвалась в утренние серые сумерки, прогоняя остатки дремоты. Завод занимал практически весь левый берег реки Берты, лениво катившей свои желтоватые воды к морю; над его трубами и день и ночь стояли столбы сизого пара, его конвейеры не останавливались ни на секунду, а массивные грузовые дирижабли, подобно стаям диковинных птиц, постоянно прибывали, забирали тяжелые коробки и разлетались по всей стране. Завод работал четко и точно, как выверенный часовой механизм – а все благодаря мистеру Эвертону и его чудесным автоматам. Не знающие усталости, они работали сутки напролет без нужды в остановке и отдыхе. Людей на заводе становилось все меньше, пока их количество не сократилось до десяти-пятнадцати инженеров – хотя сам мистер Эвертон настаивал, что это лишнее и его автоматы сами могут присмотреть за собой – и сохранил небольшую команду лишь потому, что на этом настаивал городничий. Городничий, побаивавшийся новых веяний, также издал указ, согласно которому любая работа должна быть выстроена таким образом, чтобы ни один человек не оказался в подчинении у автомата.

Так что звуки горнов оставались, скорее, данью тради-

ции и теперь объявляли о начале нового дня в городе... За исключением разве что Почтамта, который располагался на правом берегу Берты на пересечении Газетной улицы и проспекта Правды. Мэриголд ненавидела звук горна, потому что по инструкции должна была услышать его со своего места у коммутатора и приступить к работе. Вместо этого несносный горн звучал чаще всего, когда она спешила по проспекту. Вот и сегодня, заслышав ненавистную трель, она пустилась бегом, задыхаясь, взбежала по мраморной лестнице в большой и еще пустовавший холл Почтамта, а оттуда потрусилась по узенькому коридору, высланному мягким зеленым ковром, в коммутаторную. Там она, на ходу стаскивая с себя пальто и шаль, прошла к своему месту под осуждающим взглядом мистера Калвера. Однако гораздо хуже взора управляющего было выражение лица сменщицы Мэриголд, Хелен. Хелен очень устала после двенадцатичасовой ночной смены и злилась, что вынуждена тратить свои драгоценные свободные минуты в коммутаторной. Как назло, в этот момент зажглась лампочка, Хелен надела наушники и поспешила вставить штепсель в гнездо.

– Ничего себе, – сказал Мэриголд подоспевший мистер Калвер, – из-за вас ваша сменщица вынуждена не только задержаться, но и выполнять вашу работу. Штраф, моя дорогая. Уже третий за эту неделю, хм... Нехорошо.

Когда Мэриголд наконец-то села на свое место, надела наушники и закрепила на груди тяжелую гарнитуру с труб-

кой, настроение у нее было препаршивое. Весь день она принимала звонки, вставляла и вынимала штепселя, повинуюсь сигналам ламп. Коммутаторная на Почтамте открылась совсем недавно, но быстро стала одной из крупнейших в стране, а потому работы было много, и звонки шли нескончаемым потоком. Мэриголд мечтала устроиться телефонисткой, иметь возможность слышать голоса разных людей, помогать им, пытаться угадать по их говору, из какого они уголка страны. Когда телефонная линия только открылась в Бертене, свободного времени у работниц было гораздо больше. Во время короткого обеда, если погода была хорошая, Мэриголд с подругами – Шэрил и Бэтти – садились на мраморные ступеньки Почтамта, ели сэндвичи и смотрели на спешащих мимо людей. В плохую погоду они шли в сортировочную, где вместе с младшими почтальонами сплетничали и наблюдали, как почтовые автоматы, напоминающие проворные журнальные столики на шарнирных ножках, разбирают посылки. Но скоро запросов стало в несколько раз больше. Теперь ели телефонистки наскоро, не вставая со своего места, посиделки с почтальонами остались в прошлом – порой за всю смену Мэриголд успевала обменяться с Шэрил и Бэтти только парой слов. А все голоса, что Мэриголд слышала в наушниках, сливались в один монотонный голос, который уже не вызывал никакого интереса. Порой Мэриголд чувствовала себя автоматом, способным только втыкать штекеры и переключать рычаги. Когда-то уютная и бодрая атмосфера в

коммутаторной сменилась безразличием и машинным холодом. Рост запросов никак не повлиял на довольно скромную зарплату, а из-за постоянных штрафов заработать в неделю получалось совсем немного – едва-едва, чтобы прокормиться до следующей полочки. Когда Мэриголд или кто-то еще из девушек пытались поговорить об этом с мистером Калвером, тот неизменно отвечал, что, если кому-то что-то не нравится, всегда можно уволиться, а уж новую телефонистку взамен старой он найдет в два счета. Сам мистер Калвер не только управлял коммутаторной, которую создал с помощью мистера Эвертона, но и был заместителем начальника Почтамта. Каким-то образом, он успевал везде, и ни одно малейшее отклонение от правил не оставалось без его внимания и порицания.

Шэрил попросила Мэриголд и Бэтти присмотреть за ее коммутатором и вышла. Разумеется, тут же лампочка на ее коммутаторе загорелась, а Мэриголд и Бэтти сами принимали звонки. Тем не менее, Бэтти дотянулась до наушников Шэрил, а Мэриголд схватила штепсель – правда, для этого ей пришлось протянуть руку через рабочее место сидящей по соседству Стефани, к вящему неудовольствию последней.

– Алло, барышня! Соедините меня, пожалуйста...

Бэтти знаками показала Мэриголд гнездо, в которое нужно было вставить штекер, одновременно она пыталась организовать разговор между столицей и маленьким городком Ашки. Мэриголд вставила штекер, но Бэтти замотала голо-

вой: «Не туда, выше!» Еще одна попытка – снова мимо. Тогда Бэтти перехватила штекер, чтобы вставить его самой, но провод обвился вокруг гарнитуры на груди Мэриголд, и дотянуть его до нужного гнезда не получалось. Разговор с маленьким городом Ашки почему-то организовала Мэриголд, только ее клиенту нужен был совсем не он. Акробатические этюды подруг совсем выбили из колеи Стефани:

– Извините, занято! – сказала она в трубку, прервав абонента на середине фразы. – Девочки, ну невозможно же работать!

– Что здесь происходит? – раздался спокойный голос мистера Калвера.

Калвер оглядел расстроенную Стэфани, растерянную Мэриголд, провод от которой тянулся к Бэтти, на чьей голове красовались сразу две пары наушников:

– Попрошу вас обеих задержаться сегодня. А лучше сразу втроем – с мисс Шэрил. Мне нужно будет с вами переговорить.

Мистер Калвер осуждающе покачал головой и удалился в свой кабинет.

Ночная смена пришла сменить дневную, но Мэриголд, Шэрил и Бэтти не спешили домой. Грустно потупившись, они зашли гуськом в кабинет мистера Калвера. Каждой из них – как вместе, так и по отдельности – уже доводилось бывать здесь. Они тихо сели на стулья, расставленные в ряд вдоль стены, и вперили взгляды в управляющего. Мистер

Калвер восседал за своим дубовым столом, сложив ладони пирамидой. Слева от него стоял наполненный темным коньяком графин и четыре бокала на подносе, справа размещалась панель с кнопками и лампочками, которая время от времени выдавала узенькие ленты перфорированной бумаги с информацией о работе Почтамта. Мистеру Калверу достаточно было беглого взгляда на ленту, чтобы понять, все ли в порядке в том или ином отделе – отправляются ли телеграммы, сортируются ли посылки, успевают ли младшие почтальоны разнести энное количество писем за строго отведенное время смены.

– Дамы, – сказал мистер Калвер, – я вами очень недоволен. У мисс Мэриголд это будет уже четвертый штраф за неделю, третий у мисс Элизабет и пятый у мисс Шэрил. На этот раз я предпочту избавить нас всех от страданий и просто вас уволю. Расчет можете получить завтра в бухгалтерии.

Мэриголд чувствовала, как ее захлестывает отчаяние... Она вспомнила, что муки в ларе осталось на доньшке, что шаль у ее матери вся в дырах, сколько ни штопай, а брат, который никак не мог найти постоянную работу после того, как всю их бригаду уволили с завода, подумывает о том, чтобы записаться в армию...

– У-у-у! – гнетущую тишину кабинета пронзил вопль Шэрил:

– Мистер Калвер, вы не можете с нами так поступить! Я не согласна! Мы каждый день сидим, все в наушниках, трубках

и проводах, что ваша рождественская елка, едим вприкуску за пять минут, так еще и выйти нельзя по нужде? Мы же не автоматы!

– Верно, с ними было бы проще, – заметил мистер Калвер, чем вызвал очередной возмущенный вопль. Внезапно панель на столе замигала, барабан пришел в движение, и в коде перфоленты мистер Калвер увидел нечто, что заставило его нахмуриться.

– Дамы, я вынужден отлучиться. В сортировочной этот безмозглый... Неважно, – оборвал он себя на полуслове, – я скоро вернусь.

Мэриголд украдкой вытерла с глаз навернувшиеся слезы. Шэрил громко всхлипывала на стуле, уронив голову на руки. А Бэтти решительно поднялась, подошла к столу и плеснула коньяку в стакан:

– Ну-ка, дорогая, выпей...

– Разве можно брать его коньяк? – попыталась остановить подругу Мэриголд.

– А что нам за это будет? – упрямо взмахнула кудряшками Бэтти. – Самое страшное уже случилось.

Шэрил отхлебнула из стакана и тут же все выплюнула.

– Что, дорогая, слишком крепкий?

– Нет, Бэтти, это не коньяк, – ответила Шэрил, вытирая губы тыльной стороной ладони. – Это машинное масло...

Девушки обеспокоенно посмотрели друг на друга.

– Я как-то раз видела, как он наливал себе из графина, –

заметила Бэтти. – Я еще тогда подумала, что мистер Калвер мог бы предложить капельку леди. Вместо этого он оштрафовал меня на шиллинг. Что же это он – механический?

– Я никогда не видела, чтобы мистер Калвер ел, – сказала Шэрил. – А еще он круглые сутки курсирует между коммутаторной и почтой. Когда он спит? Когда он отдыхает?

– А ведь он протеже мистера Эвертона! Получается, что Эвертон сам его и создал... – добавила Мэриголд.

– Хм, а что это за дверь? – сказала Бэтти, широким жестом отодвигая в сторону гардину за стулом мистера Калвера.

– Наверное, за дверью его комната. Должен же мистер Калвер где-то жить. Ты же не собираешься туда заглянуть? Он может вернуться в любой момент...

Но Бэтти уже открыла дверь и вошла, Шэрил последовала за ней, и Мэриголд ничего не оставалось, как опасно последовать за подругами. Бэтти по-хозяйски повернула ручку выключателя, зажигая свет. В небольшой комнате у стены стояла узкая застеленная кровать, над кроватью висела полка с книгами, в центре располагались журнальный столик и большое обитое кожей кресло, в одном углу комнаты был шкаф, а в другом – умывальник.

– Видите, он моется! Он человек! – громко зашептала Мэриголд, показывая рукой на умывальник.

– А это что? – с торжествующим видом сказала Бэтти, поднимая с журнального столика отвертку, гаечный ключ и дрель.

Шэрил приняхалась:

– Здесь не пахнет едой!

– Может, он ест у себя в кабинете.

– Пойду проверю его корзину для бумаг... ой...

В комнату вошел вернувшийся из сортировочной мистер Калвер.

– Леди? Что вы здесь делаете? Это частное помещение и прошу вас немедленно его покинуть, – с возмущением произнес он.

– А вот и нет! – возразила Бэтти. – Мы знаем ваш секрет. Столько времени вы морочили всем голову, но рано или поздно правда выйдет наружу!

Мистер Калвер удивился:

– Мой секрет? Уважаемая Элизабет, у меня нет никаких секретов.

– Ложь! Мы знаем, кто, а вернее, что вы есть на самом деле!

– И кто я?

– Вы автоматон!

В ответ на это обвинение мистер Калвер улыбнулся и замотал головой:

– Ну что вы, я такой же человек, как и вы.

– У нас есть доказательства! – встряла Шэрил. – У вас вместо коньяка в кабинете машинное масло!

– В самом деле? – обернулся мистер Калвер на свой стол. – Что ж, уже не в первый раз кто-то из младших почтальонов

продельывает этот трюк. И я даже не спрашиваю, как вы трое об этом узнали. Вместо этого, – мистер Калвер прошел к кровати, извлек из-под нее сундучок, а оттуда вытащил бутылку настоящего коньяка, – вместо этого я просто покажу вам, что у меня есть настоящий коньяк. А в кабинете кто-то подстроил глупую шутку.

– А как же все эти инструменты на журнальном столике? – не сдавалась Бэтти. – Разве вы не используете их, чтобы подправить механизмы в вашем теле, когда они начинают барахлить?

– Нет-нет, – мистер Калвер подошел к шкафу, отпер его и не без труда извлек оттуда клетку с механической птицей. – Это подарок от моего друга и наставника мистера Эвертона. По моему недосмотру птица сломалась, и теперь я пытаюсь ее починить.

– Значит, Эвертон не создал вас в тайной лаборатории на заводе?

– Нет!

– И то, что нам нельзя нормально поесть, нельзя выходных и даже нельзя выйти по нужде – это не потому, что вы механический истукан, который не понимает базовых человеческих потребностей? – расстроено уточнила Шэрил.

– У вас есть выходной! – резко возразил мистер Калвер. – Раз в месяц, когда дневная смена заступает в ночь, ночная может дрыхнуть целые сутки. Вам что, мало?

Девушки переглянулись и потупились.

– Вот что, все свободны. Больше вы здесь не работаете.

– Мистер Калвер, один вопрос... квадратный корень из ста двадцати одного?

– Одиннадцать, мисс Мэриголд. Это простая алгебра.

– Конечно. А что получится, если умножить сто двадцать пять на семьдесят восемь?

– Девять тысяч семьсот пятьдесят, – ответил Калвер и обернулся, чтобы убрать тяжелую клетку обратно в шкаф. Но это он сделал зря, так как Шэрил вскрикнула, схватила с журнального столика пресс-папье и запустила его мистеру Калверу прямо в голову. Оно отскочило от сидящего затылка управляющего с протяжным «бум-м-м», а мистер Калвер уронил клетку и рухнул на колени.

– За что? Я же правильно ответил! – возопил он, прикладывая руку к голове.

– Ага! – воскликнула Бэтти. – Единственно правильный ответ на такой вопрос – «не знаю»! Вот вы себя и выдали. Вы автоматон!

– А еще у вас голова железная, – добавила Мэриголд.

Мистер Калвер угрюмо скрестил на груди руки, но подняться с пола не пытался, так как Шэрил вооружилась медной пепельницей.

– Я не автоматон. Я Артур Калвер, племянник мистера Эвертона. Несколько лет назад я попал в аварию на дирижабле, врачи поставили на мне крест, и только дядя взялся меня выводить, заменив большую часть моего тела механизмами.

– Это происходило в тайной лаборатории? – с надеждой в голосе уточнила Бэтти.

– Вероятно, я был все время без сознания.

– И насколько сильно вас... как бы сказать... изменили? – спросила Мэриголд.

– Мое тело является механизмом на семьдесят шесть целых триста восемьдесят две тысячных процента. И хотя я научился гораздо быстрее обрабатывать информацию, производить сложные вычисления в уме и могу воспроизвести «Британскую энциклопедию» по памяти, я все еще Артур Калвер. Я помню свое детство, своих друзей, ту катастрофу... Я человек... – добавил он уже менее уверенно.

– И вы считаете, что городской закон о том, что человек не может подчиняться автомату, на вас не распространяется? – уточнила Мэриголд.

– Именно!

– Интересно, – задумалась Шэрил, – согласится ли с вами городничий, если вы человек меньше чем на пятнадцать процентов...

– На двадцать три целых шестьсот восемнадцать тысячных процента...

– Главное, что меньше пятидесяти.

– Мистер Калвер, мы находимся на пересечении Газетной улицы и проспекта Правды. Вы сами знаете, сколько здесь расположено издательств, – заговорила Бэтти. – Стоит нам, несчастным уволенным телефонисткам, обратиться к любо-

му журналисту...

– Я вас понял, – досадливо махнул рукой мистер Калвер. – Это шантаж. Чего вы хотите?

– Чтобы вы нас не увольняли.

– Перерывы в течение дня, за которые не будут наказывать.

– Зарплату побольше...

– Леди, откуда я достану денег на повышение зарплаты?..

– А если мы спросим у журналистов, зачем автоматону шелковые галстуки? – спросила Шэрил, оценивающе разглядывая содержимое шкафа мистера Калвера.

– Профсоюз! – вскричала Мэриголд.

– Что?

– Хотим профсоюз телефонистов и телефонисток!

Шантаж удался на славу. В коммутаторной были организованы три восьмичасовые смены вместо двух двенадцати-часовых, вакантные рабочие места быстро заняли бывшие заводские рабочие. Зарплату сотрудникам увеличили, систему штрафов отменили. Мэриголд, Бэтти и Шэрил вновь могли вместе есть сэндвичи и флиртовать с почтальонами. При этом показатели коммутаторной только росли. А когда, спустя два года, тайна мистера Калвера стала достоянием общности по вине одного из почтальонов, за управляющего вступился весь Почтамт – сотрудники в один голос утверждали, что у такого внимательного, ответственного и прогрессивного начальника им еще не приходилось трудить-

ся. В результате, вместо того, чтобы лишиться места, мистер Калвер стал следующим главой Почтамта, получил благодарность от городничего и даже женился на Шэрил... Но это уже совсем другая история.